

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV*Россия, Санкт-Петербург.
Санкт-Петербургский государственный Университет. Философский факультет.
Доктор философских наук, профессор.**Russia, St. Petersburg.
St. Petersburg State University. Faculty of Philosophy.
PhD, Professor.*bmarkov@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ «ТЕХНОЛОГИИ» АНТРОПОГЕНЕЗА (КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД)*

Важным достижением антропологического поворота является критика как биологического, так и теологического объяснения человека. Его основатели пытались избавиться от редукции человека как к животному, так и божественному. Важным достижением нового подхода к человеку является синхронизация антропологических открытий в области морфологии, этнографии, исторической лингвистики с философией.

Вопросы о происхождении человека и общества нельзя разрывать и решать по отдельности. Объяснение формирования и развития человека предполагает реконструкцию как интеллектуальных, так и телесных способов воспитания людей. В статье предпринята попытка их описания в условиях современности.

Ключевые слова: человек, животное, эволюция, антропогенез, тело, ритуал, сознание, труд, культура, игра

Cultural "Technologies" of the Formation of Man (a Qualitative Approach)

The important achievement of anthropological turn is the criticism of both the biological and theological explanation of Man, whose founders tried to get rid of a reduction as to animal, and divine. As a result, the history of Man begins with the formation of an artificial environment, in which Man can exist. The important achievement of the new approach to Man is the synchronization of the anthropological development in the fields of morphology, ethnography, historical linguistics and philosophy.

The question of the origins of Man and community cannot be separated. The explanation of the formation and development of Man assumes a reconstruction — and demands both intellectual and practical ways of educating the people. Thus, an attempt at their description under conditions of modernity has been undertaken.

Key words: man, animal, evolution, body, ritual, consciousness, work, culture, game

Уникальность положения человека выражается в том, что он не имеет в мире заранее фиксированного места, и, чтобы утвердить себя, создает культуру. Важным достижением антропологического поворота можно считать разрушение прежнего образа человека, который строился на путях поиска его «природы» или «идеи». Возникла задача его самоопределения, которое было бы свободно от редукции как к животному, так и божественному. В результате история человека описывается как драма формирования социального пространства существования, которая не может быть понята без учета истории материальных и духовных практик, реконструированных школой исторической антропологии. Важным условием нового подхода к человеку является синхронизация антропологических открытий в области морфологии, палеонтологии, исторической лингвистики с экзистенциальной аналитикой и философской

антропологией. Принципиальный подход состоит в том, чтобы не предполагать заранее идею человека и не вкладывать ее на более низкие или более глубокие уровни, чтобы затем вывести оттуда закономерное происхождение человека, которое представляется как продукт целенаправленный усилий обезьян, стремящихся стать людьми.

С одной стороны, коллективность присуща животным, т. е. не является отличительным признаком людей. С другой стороны, такая характеристика социальности, как нравственное признание другого, является исключительно человеческой. Вопросы о происхождении человека и общества нельзя разрывать и решать по отдельности. «Инверсионный подход» к психо-социогенезу ставит задачу не описания генезиса того или иного конкретного общества, а анализа самого качества социальности как атрибута человеческой природы. В строении и функционировании человеческого мозга заложены эксклюзивные особенности, которые сделали возможными социогенез и становление языка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-03-00386

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

В работе «К генеалогии морали» Ницше указал на основной недостаток историзма, состоящий в том, что современные представления в упрощенном виде переносятся в прошлое и поэтому эволюция рациональности выглядит как линия восхождения к современным нормам науки. То же самое имеет место и в теориях происхождения общества и языка. Они изначально постулируются, в то время как проблема состоит в объяснении их возникновения. Например, «трудовая» теория происхождения человека сталкивается с тем, что труд до сознания был «инстинктивным» и не мог запустить процесс интеллектуальной эволюции. Поэтому методом «шаг за шагом» нельзя объяснить происхождения сознания.

Реакцией на эти затруднения стал «лингвистический поворот», согласно которому первичными являются понятия, на основе которых выделяются и классифицируются как состояния сознания, так и внешние события. «Сознание», «труд», «природа», «общество», «человек», «эволюция» — все это конструкты, которые должны исследоваться не методами естественными наукам, а семиотическим, герменевтическими и иными философскими техниками анализа. Конечно, тезис, что все есть язык — это преувеличение. Поэтому сегодня вновь возрождаются натуралистические концепции сознания. С одной стороны, «элиминативный материализм», стимулированный успехами нейронаук, сохраняет редуccionистские установки относительно социокультурной обусловленности наук о сознании. С другой стороны, науки о культуре по-прежнему игнорируют методы естественных наук. Несмотря на обилие фактов, отсутствуют смелые решения, порывающие с тупиковыми подходами. Иначе говоря, за долгое время сложилось несколько различных подходов, а внутри них множество школ и направлений, представители которых почти не дискутируют друг с другом. Современные философы дистанцировались от научных исследований, и вполне удовлетворяются схемами, которые были придуманы предшественниками. В свою очередь ученые тоже не видят ничего полезного в философских моделях человека и вежливо признают лишь тезисы об особой моральности и разумности человека.

Как быть, если человеческая социальность не выводима из биологического, но и не приходит откуда-то сверху? Возможно, исток социального находится не вне, а внутри сознания. Открытия современной нейропсихологии дают основания говорить, что «другой» находится как бы внутри сознания индивида. Например, наличие двух полушарий мозга предполагает, что они должны как-то «договариваться друг с другом». Вполне вероятно предположить, что у истоков человечества были существа, которые сегодня находились бы под наблюдением психиатров¹. В. В. Тэн, ссылаясь на Кречмера, выдвинул предположение о промежуточном звене *homo avariens* — человек безумный². Ф. И. Гиренок осмыслил достаточно сложные и разнородные научные дисциплины, особенно те, что изучают разного рода психические отклонения, и пришел к выводу, что инновации нередко

возникают как аномалии³. В качестве предположения такие мысли уже высказывались, но воспринимались как продукты некой интеллектуальной усталости, вызванной трудностями объяснения все новых данных, противоречащих стандартной схеме эволюции языка и сознания⁴. Отказываясь от поисков переходного звена, указанные авторы полагают, что разум возникает из неразумного, нормальное из патологического, социальное из индивидуального и т. д. Как альтернатива плоскому эволюционизму и кумулятивизму, инверсионная модель развития вполне приемлема, но недостаточна, ибо остается без ответа проблема, как из неразумного сформировался разумный человек?

Для объяснения появления человека кроме биологических данных, нужно учитывать и другие факторы, запускающие антропогенный процесс. Он начинается с тех пор, как вещи стали изготавливаться руками, и началась история *homo technologicus*. «Выключение тела», осуществляющееся благодаря использованию орудий труда, является из главных факторов антропогенеза. Важным его этапом становится освобождение руки. Лапа обезьяны, взявшей камень, обрела два измерения: хватательную и контактную зоны. Только благодаря руке открылась новая экологическая ниша для становления человека, и именно каменный век, время изготовления прочных орудий, оказался решающей формационной фазой становления людей.

Синтезируя высказывания Энгельса, Хайдеггера и Слотердайка (взгляды которых о роли руки и орудий совпадают) можно сказать, что именно обработка природы орудиями открывает изначальную истину. Это позволяет считать их не просто продуктом приспособления к окружающей среде в ходе биологической эволюции, а именно способом открытия мира. Оберегая от негативных последствий прямого телесного контакта со средой, первые орудия опосредуют субъективное и объективное. Рука и тело в целом приспособляются к орудию, а орудие — к объекту и субъекту. В результате складывается отношение не господства, а респонзивности. Альтернативой эволюционной адаптации становится дистанция и суверенность. Человек окружает себя искусственно созданными вещами, которые задают дистанцию по отношению к природной среде и образуют своеобразную защиту от ее нежелательных воздействий.

К эффективным культурным техникам формирования человека относятся такие символические институты как язык, брак, система родства, техники воспитания, возрастные, половые нормы и роли, а также война, труд и все ритуалы формирования и самосохранения группы. Эти порядки и образуют богатейший арсенал антропотехники, которая пластифицирует незавершенное природой человекообразное существо и формирует необходимые для социума качества. Речь идет о буквальном моделировании человека практиками дисциплины, воспитания и образования.

Культура как место формирования человеческого

В традиционном гуманистическом дискурсе вопрос о месте человека в мире претендует на приоритетное значение по отношению к естественнонаучной постановке проблемы. Одна-

¹ Сегодня многие исследователи считают наиболее подходящим для реконструкции генезиса социального психоанализ. Эту установку интересно и плодотворно развил Ю. Бородай в своей книге «Эротика, смерть, табу».

² Тен В. В. Археология человека. Происхождение тела, разума, языка. — СПб., 2011.

³ Гиренок Ф. И. Аутография языка и сознания. — М. 2010.

⁴ Например, Ф. Ницше, Л. Клагесом, А. Геленом, Л. Больком и П. Альсбергом, Б. Ф. Поршневым.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

ко это оспаривают представители других дисциплин. Человек и животное представляют собой взаимосвязанные органические системы, каждая из которых существует не только сама по себе, но и благодаря отношениям друг с другом. Поэтому одна из этих сосуществующих систем представляет для другой окружающий мир.

Человеческий мир в отличие от замкнутого мира животных является открытым. То, что Хайдеггер описал как сферу *man*, еще в большей степени характерно для мира животных. Но цепи раздражений и образцы реакций, выделяемые зоологами, не существуют для самих животных, поведение которых запрограммировано на генетическом уровне. Они не имеют мира, который выходит за пределы ситуации. Только у высших животных есть его подобие, но и в этом случае применение понятий, используемых для описания человека, в высшей степени проблематично.

Язык, техника, абстрактное мышление составляют признаки сущностного понятия человека. Вместе с тем язык и техника претерпели в ходе человеческой истории принципиальные изменения, но сущность человека предполагается при этом неизменной. Все эти трудности использования понятия сущности по отношению к человеку заставляют либо вообще отказаться от него, либо определять сущность в рамках той или иной культуры. Но и здесь возникают не менее трудные вопросы. Определение человека дается с точки зрения его достижений и свершений технических или культурных. Отсюда интерес как к поздним культурам, так и к ранним фазам развития человеческого сообщества. Но одних технических достижений недостаточно для всестороннего и емкого определения. Более того именно в нашу характерную фундаментальными техническими достижениями эпоху усиливаются разговоры о деградации человечества и об угрозе выживания. Таким образом, приходится принимать во внимание и другие открытия.

Каждый человек должен заново познавать окружающий мир и находить свое предназначение. Он всему должен научиться и ни один из заложенных в нас природой инстинктов не обеспечивает выживания. Отсюда вопрос о культурном наследии и научении приобретает фундаментальное значение. Каждый человек самостоятельно накапливает знания и опыт, но этот процесс освоения знаний, технических навыков, культурных ценностей обеспечивается не наследственным путем и не непосредственной передачей из рук в руки как в случае жизненно-практического опыта, а специальными институтами образования. Чем раньше человек приобщается к культуре, тем полнее и глубже он ее постигает.

Нет никакого «естественного человека», который обладал бы от рождения набором абсолютных правил, обеспечивающих его нормальное выживание и развитие. Именно поэтому недостаточно описания человека исключительно в биологической перспективе. То, что Руссо и другие ранние критики прогресса называли «природой», к которой должен вернуться изнеженный и испорченный цивилизацией человек, на самом деле тоже является культурным идеалом, своеобразной утопией идиллической жизни, в которой подразумевается, что технические и научные достижения обеспечат возможность некоего веселого и беззаботного пикника на лоне природы. Что же касается так называемых нецивилизованных народов, то только

европоцентристские предрассудки препятствуют оценивать их традиции и нормы как культурные.

Согласно теории цивилизационного процесса Н. Элиаса, народы, не прошедшие стадии придворного общества, считались примитивными⁵. На самом деле у так называемых «дикарей» было столь много ограничений, что с их точки зрения именно наше слишком вольное и свободное поведение является варварским. Если оглянуться вокруг себя и, особенно, посмотреть телевизор, то, действительно, подумаешь, что настоящие варвары — это мы, а не наши «дикие» предки. В знак протеста против европоцентристского понимания прогресса появились новые работы о традиционных обществах, которые ранее считались варварскими, подлежащими христианизации и цивилизации. Мотором обширного сочинения Г.-П. Дюрра стало разоблачение «мифа о процессе цивилизации» и соперничество с Норбертом Элиасом, который понимал цивилизацию как прогрессивное развитие европейских обычаев. Дюрр полагает, что он опроверг центральный тезис Элиаса, о возрастании контроля влечения и «моделировании аффектов» в процессе цивилизации. Его труд закладывает краеугольный камень новой теории, согласно которой цивилизация не сводится к постоянному процессу усовершенствования одних и тех же норм и обычаев, а представляет собой постоянно вращающийся таинственный водоворот. Вне Европы имеются другие комплексные миры, которые нельзя считать нецивилизованными⁶. Поэтому задача состоит в том, чтобы выявить набор антропологических констант и практик их формирования, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации.

Симпатия

Если вдуматься в то, как вообще возможно душевное общение и как оно возникает между людьми, то можно вообразить два альтернативных ответа, которые нуждаются в синтезе, ибо в повседневной практике они постоянно переплетаются, переходят один в другой, взаимно поддерживают и обогащают друг друга. Первый ответ, который дало бы большинство зрелых, разумных, переживших романтическую иллюзию людей, состоит в убеждении, что в отличие от животного, человеческое чувство симпатии возникает как продукт диалога, в ходе которого познается истина, выявляется единство в понимании важнейших вещей и достигается нравственное признание друг друга. Вместе с тем, у сторонников такой концепции немало проблем, причем не только методологических. Поэтому Платон в «Государстве» взамен сократического диалога, нацеленного на познание того, в чем состоит благо, сделал ставку на телесные практики воспитания государственных добродетелей. На самом деле, вербальные философско-литературные техники являются весьма эффективными и надежными средствами гуманизации людей. Они используются пастырями человеческого стада, ибо цивилизуют темные порывы, нейтрализуют животные инстинкты, а, главное, являются подконтрольными и позволяют переприсваивать и перенаправлять психическую энергию в нужном русле на пользу общества. Страсть сублими-

⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. — М., 2001.

⁶ Durr H.-P. Nacktheit und Scham. Der Mythos vom Zivilisationsprozess. Bd. 1 — 5. — Frankfurt am Main. 1994 — 2004.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

руется для создания культурных и материальных ценностей, а также переводится в любовь к отечеству.

Другой ответ опирается на чувство влечения, благодаря которому до или помимо разговора, как говорят, «с первого взгляда» пара людей испытывает взаимную симпатию. Согласно этому подходу, чувства не обманывают, а разговоры, допуская в интимную сферу другого — общественные нормы и ценности, неизбежно разрушают душевную идиллию.

Греческие философы признавали ее значение в виде дружбы и эроса, однако приоритет отдавали рациональности. Любовь была лишь средством, мотивом постижения идей. Наоборот, по Августину, любовь больше всякого разума. Более того, христианская любовь выводит за пределы ее чувственного понимания. Христианство преодолевает ненависть к врагам, месть, злобу и переносит в новое духовное измерение. Меняется направление любви: у греков любовь это стремление к высшему, совершенному, прекрасному, истинному. Главная проблема для них — отношение любящего и любимого, в котором любимый представляет собой образец для любящего. Платон говорил, если бы мы были богами, то не любили бы, так как они и так совершенны, у них нет стимула тянуться к высшему.

Христианство переворачивает эту модель. Любовь проявляется в нисхождении высшего к низшему, большого к здоровому, красивого к некрасивому, богатого к бедному, святого к грешнику и т. д. Бог это не холодный образец, задающий пример, его сущность — любовь. На место перводвигателя приходит создатель мир, создавший его для человека. В лице Христа Бог снизошел до человека, был бедняком и умер на кресте. Так Бог становится личностью, любящим Богом. Переворот в понимании любви состоит в том, что из «потребности» она становится актом духа. Над нею нет закона и рациональности, она — благодать. В «Никомаховой этике» Аристотель обсуждал, сколько любви по справедливости должно принадлежать родителям, детям, родственникам, друзьям, соседям. А согласно христианству, все достойны любви, снисхождения и служения. Суть тезиса «возлюбите врагов ваших» в том, что и добрые виноваты в существовании злых. Они оставили их на произвол судьбы, не помогли, не поддержали, не защитили их.

Гостеприимство

На основе господствующей индивидуалистической идеологии весьма трудно представить себе способ объединения людей в рамках традиционных обществ. Человеческое взаимодействие, основанное на обмене пищей и теплом, сопровождающееся душевной близостью, доверием, состраданием, является основополагающим опытом бытия в мире. Исследование этих культурных практик окажется полезным политикам, экономистам, а также тем, кто отвечает за конструирование искусственной окружающей среды, в которой живет современный человек. Теория общественного договора затеняет роль сильных взаимосвязей в антропологическом исследовании. Мы уже не понимаем, что за «дело» заставляет индивидов жить сообща, что за априорное стремление тянет живые существа друг к другу? Сегодня редко сожалеют об утрате дружелюбия, гостеприимства, учтивости и приветливости. Не удивительно, что дружба перестала быть темой современной философии. Сегодня ностальгия о дружбе и братстве присутствует, разве что, в утопических

мечтах об универсальной человечности. Казалось бы, практический интерес к этой теме должен пробуждаться в кризисных ситуациях. После природных или техногенных катастроф многие сердобольные люди предлагают пострадавшим свою помощь. Однако её принимает незначительная часть, остальные не хотят быть кому-то обязанными лично. Это воспринимается как подавание, унижающее того, кто берет.

Традиционные общества обычно упрекают в ксенофобии, забывая при этом о культуре гостеприимства. На самом деле именно в нашем мультикультурном мире, где действуют террористы, мы стоим перед радикальным вопросом не о друге, а о враге. Расширение национально-этнических конфликтов толкает уже почти в срочном порядке к какому-то более эффективному решению проблемы чужого, нежели принцип толерантности. Ядром традиционной модели взаимного признания другого было гостеприимство, центральным событием которого является совместная трапеза. Дающий и берущий попадают в сферу закона дружелюбия, поскольку один задает, а второй принимает образ другого. Угощение — это тонко организованная стратегия поведения, благодаря которой как гость, так и хозяин достигают некоего равновесия. Гостеприимство — это транзитивное отношение. Любой гость воспринимается как друг и наделяется иммунитетом. Кто бы ни был он по своему социальному положению и происхождению, ему обеспечивают безопасность.

Дар и обмен

Сегодня дружба понимается, скорее как деловое партнерство по принципу: «Сколько ты мне, столько и я тебе». На самом деле дружба — это дар и отдаривание. Принимать друзей — значит не только тратить на это время и деньги, но участвовать в ритуале, который разворачивается в символическом пространстве и времени. Гостеприимство — антропологический обмен в форме траты, близкой к потлачу — жертвенному состязанию. Чем ценнее подарок, тем выше престиж гостя. Нужно не только перещеголять друг друга, оказывая знаки внимания, но и подчиняя себе другого, сохранить себя. Тут работают правила чести, а не обмена. Друг дарит подарок уже своим появлением, а хозяин отдает в его распоряжение свое время и пространство. Хозяин доверяет гостю, рассчитывая на его дружелюбность. Так из взаимной траты, из расточительности и возникло общество.

Общительность является, по Канту, антропологической константой, она изначальна. Чувства и эмоции коммуникативны по своей природе и связаны со способностью суждения. Людям приходится мириться с соседством, поэтому идея всемирного гражданства не является нелепой. Это и дает повод говорить о праве всеобщего гостеприимства. В «Метафизике нравов» Кант различал сообщество друзей и сообщество торгашей. Последнее экстерриториально. Но, по сути дела, право торговли на любой территории не означает признания прав чужого. Он по-прежнему бесправен. Как альтернативу колониализму и империализму Кант и предложил право гостя.

Попытка объяснить дружелюбие к гостю как первоначальный этос человечества не совпадает с традиционным восприятием чужого, который считался военной добычей и подлежал умерщвлению или рабству. Только на основе обмена, упорядо-

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

чиваются отношения людей и появляется понятие «человечности», применяемое к чужим, в то время как беднота собственной группы унижена и голодает. Таким образом, право чужого определяется интересом группы в обмене и торговле с другими сообществами. Гегель тоже связывал синкретизм дружелюбия и враждебности с неразвитостью правосознания. Свободный дар и принудительная дань являются эквивалентом бесправия.

Гостеприимство, скорее, идеал, чем реальность. Поэтому ксенософия — это удел философов. В истории народное право уступает место государственным законам и на смену гостеприимству приходит кодекс чужого. Другой расценивается как угроза или благо в зависимости от враждебности или дружественности отношений между группами. Но даже если отношения между группами являются воинственными, другой воспринимается как враг, как добыча, но не чужой. В том случае, если щедрость дара постепенно уступает место отношениям обмена, чужие могут включаться в группу и выполнять внутри нее определенные функции. Но и в этом случае они остаются на периферии, и, в зависимости от ощущения опасности или безопасности, могут восприниматься как благо или зло.

В результате развития государства народное право, которое отчасти включало права гостя, раскололось на частное и общественное право. Монополизация права государством включала одну существенную поправку: ни индивид, ни группа не могут претендовать на закон гостеприимства, если они являются иностранцами, т. е. не принадлежат к данному правовому сообществу. Это ярко проявляется во время войны, когда иностранцев интернируют. Начиная с XVI в. подозрительность государства к иностранцам превратила гостя в чужого. Речь идет о постепенной идентификации пришлых с целью обеспечения безопасности. В дисциплинарном обществе надзора все под подозрением. На чужих, даже если они приезжают по делам торговли или церкви, накладываются серьезные ограничения.

Свой-чужой

Старое различие «друг-враг», которое является опорой политического, до неузнаваемости трансформировалось в эпоху массмедиа. Ортега-и-Гассет писал о разобщенности индивидов в массовом обществе, а виртуальная социальная реальность характеризуется как интеграция путем устранения Другого. Враждебно то, что не принадлежит виртуальному пространству. Отсюда образ врага становится чрезвычайно размытым, так сказать «фантомным». К сожалению, производство символического врага тоже по-своему опасно. Оно культивирует страх и усиливает агрессию PR-акциями.

Можно выявить несколько ипостасей врага: а) индивид или группа причиняющая вред; б) символ враждебности; в) механизм идентификации субъекта; г) способ скрыть собственную пустоту, нехватку (этому служит, по Жижеку, образ еврея). Сегодня популярна психоаналитическая интерпретация образа врага как группового фантазма. Как «символический маркер» враг уже не является сигналом к войне. «Фантомный враг», вырабатывается центром — элитой и посылается на периферию — рядовым гражданам для оправдания жестких мер. В символическом варианте враг по-прежнему расценивается как инкарнация дьявола. Конечно, преступники существуют, но их

нельзя обвинять в сговоре с мировым злом. Это будет не суд, а инквизиция.

Н. Федоров накануне первой мировой войны выдвинул такую сильную версию пацифизма, провозгласив начало братства и конец сиротства: пусть «все будет родное, а не чужое». Если попытки достижения единства людей во вселенском масштабе на основе солидарности (культурной, всемирно-гражданской) не удавались, то стоит продумать другие перспективы совместной жизни. Допустим, люди и народы увидели бы между собою родство настолько глубокое, что не только их убеждения и образ жизни, но и их лица и голоса показались бы им родными. Если бы, исходя из этого, люди заключили между собою договоры о вечной дружбе, то кто мог бы с уверенностью утверждать, что это чувство оказалось бы достаточно прочным и длительным? Хорошо бы соединиться на духовной основе, как это предлагали русские философы всеединства, но пока время для этого не пришло, следует создавать более реалистичные проекты.

Решение проблемы состоит в реалистическом признании такого Другого, который не является романтической выдумкой, а живет и работает рядом с нами в рамках современного многонационального общества. В силу этого, он уже понимает наш язык, разделяет общие установки и ценности. Он не может стать абсолютным скептиком или террористом, если, конечно, его не загонять в угол, например, урезая его социальные права, зарплату и заставляя думать, пить, есть и одеваться так, как это делают представители «государствообразующей нации». Включенность Другого осуществима не только в плоскости рациональных переговоров и политических договоров, но и на уровне повседневной коммуникации, лучшей формой которой является гостеприимство.

Мораль, истина и право как антропотехнологии

Как сегодня человек становится самим собой? Как осуществляется производство человеческого в человеке? Ответ на эти вопросы дает педагогика, теория воспитания, на которое снова стали обращать внимание, так как прежде задачей системы образования считалось формирование знаний. Теперь заговорили о компетенциях, навыках и умениях. Пока они понимаются, как способности применять полученные знания на практике для достижения наибольшего экономического эффекта. К сожалению, в списке компетенций почти отсутствуют этические требования и культурные ценности.

Практики становления субъектом, личностью, человеком не сводятся к «движению мысли». Опыт — не только самокритика мысли. Опыт надо понимать как преобразующее испытание самого себя в игре истины и жизни, а не присвоение другого в целях обладания. Исследование того, как человек становится субъектом, приводит к изучению дисциплинарных, педагогических, воспитательных практик. В традиционном обществе философы предложили поколениям, входящим в жизнь, искусство заботы о себе, где речь шла о способах управления собой, своими желаниями, своим телом, причем не только разум и познание способствовали хорошей и здоровой жизни, но также гимнастика, диетика, спортивные и иные состязания. В христианстве наставления заботы о душе культивировали

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

довольно жесткое «пастырство плоти». В Новое время место религиозной аскезы заняли практики медицинского и образовательного типа, были сформулированы различные кодексы рационального поведения.

Сегодня искусство наставлений, кажется, умерло, советы дают специалисты, но они это делают как социальные индивиды, т. е. как агенты институтов. А единство и целостность общества — это уже не натуральные образования, не естественные продукты общей жизни, это конструкты, над созданием которых работает большое количество социальных дизайнеров. Не становимся ли мы при этом «социальными индивидами», т. е. функционерами, агентами институтов, в которых работаем? Не утрачиваем ли при этом человеческие ценности? Мы видим, что планы социального развития определяются потребностями развития тех или иных подсистем общества. По мере продвижения по социальной лестнице постепенно мы сживаемся с нормами и правилами той или иной конторы. До какой степени интегрируется и ангажируется отдельный человек, и какие представления о нормах направляют его при этом?

Представления о морали являются опорными пунктами индивидуального ориентирования. Они существенно способствуют тому, что индивидуальное ориентирование стабилизируется и становится благодаря этому идентифицируемым для других систем. Поскольку при этом различаются только добро и зло, системы одновременно сокращают сложность действующих ситуаций. Неприятие во внимание обстоятельств и последствий означает нарушение у системы ориентирования способности к подсоединению. Если возникает спор, то можно объяснять поступок задним числом обстоятельствами, можно считать, как и прежде, подлежащим осуждению только сам поступок, и постараться исправить досадные последствия материального и психического характера, можно даже дойти до раскаяния. В последнем случае морально реагируют на собственные представления о морали. Тогда спрашивают, как иначе могли бы поступить остальные? Наблюдение за поведением других становится опорным пунктом для рефлексии своего поведения. Это значит, что благодаря рефлексии морального решения Другого, ориентирование отыгрывает дистанцию по отношению к собственной моральной решительности и благодаря этому снова обретает способность к единению.

Никто не сомневается в том, что мораль должна ограничивать науку, политику и бизнес от злоупотреблений и что именно философия должна пользоваться не только логико-методологической критикой, но и моральными обличениями. Как справедливость воплотить в каждом конкретном поступке — это главный вопрос. Сегодня об этом думают все чаще, и в результате появляются разработки не столько общей теории морали, всеобщие нормы которой, как и законы логики, вообще-то принципиально не изменяются вот уже два тысячелетия, сколько построения таких дискурсов в науке, политике, бизнесе, в которые встроена этика, этика положительная, а не запретительная, прескриптивная, а не нормативная. Моральные требования перестают быть запретами и осуждениями. Они становятся конкретными рекомендациями, встроенными в практический дискурс и действующими внутри его. Благодаря этому они способствуют таким решениям, которые являются не только инструментальными, но и этическими.

Очевидно, что невозможно прописать юридические законы на все случаи жизни, но и делать все, что не запрещено, тоже не следует. Здравый смысл, культурные традиции и обычаи, нормы морали и профессиональной этики эффективно регулируют сферу повседневной жизни. Законы же вступают в силу, когда возникает угроза жизни, собственности, наконец, чести и достоинства граждан.

Нельзя не видеть, что кроме экономических в современном обществе складываются иные критерии оценки успеха. Идеи свободы, равенства, солидарности и справедливости образуют ядро человеческих желаний. В сущности, этот набор входил еще в христианскую философию. Эти идеи, трансформированные в демократической и социалистической идеологиях, стали источником модернизации. Однако чувство равенства, справедливости и свободы имели и разрушительные последствия. На самом деле права человека имеют довольно ограниченную сферу применения и не определяют, как человек реализует право на жизнь. Будет он хорошим или плохим человеком, зависит от воспитания; будет он умным или глупым, зависит от качества образования; будет он врачом или военным, зависит не только от личного выбора, но и от набора профессий, которые предоставляет общество. При обсуждении теоретической согласованности критериев истины, ценности, художественного вкуса, права и морали следует учитывать границы их применимости. Например, истины, хотя и проходят стадию проверки, однако, в принципе не зависят от согласия людей. Наоборот, ценности предполагают признание, а оно достигается по-разному. На страже юридических законов стоит государство, этические нормы и эстетические суждения вкуса принимаются обществом. Пренебрежение традициями, обычаями, принятыми в обществе ценностями обрекает законы на бездействие. Чтобы это не произошло, должны применяться санкции.

Установка на правовое государство не должна вытеснять моральное сознание. Преступление остается преступлением, даже если оно не раскрыто и принесло большую пользу совершившему его лицу. Хотя критерий практической реализуемости в праве применяется иначе, чем в научном познании, наука не находится по ту сторону права, морали и религии. Она подлежит оценке и вместе с тем сама может спросить о доказательности, обоснованности и легитимности тех требований, которые к ней могут предъявлять мораль, право и религия.

Человек, государство и общество

Историки продолжают понимать государство как органическую целостность, как нечто учрежденное героями и законодателями, поддержанное народом, его общей исторической судьбой, культурой, языком, традициями, территорией. Юристы, наоборот, расценивают деяния героев как преступления и судят историю с точки зрения прав человека. Наконец, в дело вмешиваются экономисты, оспаривающие право государства управлять экономикой. Затем социологи берут на вооружение понятие общества и тоже существенно меняют образ государства.

Ответ на вопрос, что такое государство, философская антропология дает не ссылаясь на его «природу» или «сущность», а рефлексией относительно условий, определяющих в то или иное время трансформацию понятия государства. Такие

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

«реальности» как государство, общество, справедливость на самом деле предполагают понятия, которые не просто репрезентируют указанные «сущности», но и выявляют их в потоке жизни как исторического становления. Учитывая изменения образа философии, которая сегодня уже не претендует на роль судьбы, а позиционируется как арбитр, пытающийся согласовать противоположные позиции, можно предложить модель антропологической рефлексии о государстве, объектом которой становятся как политические интересы, так и изменения социального пространства, в котором обитают люди. Порядок складывается не как результат осознания абсолютной истины или открытия всеобщего права, а как система норм и кодов поведения, закрепленных дисциплинарными практиками.

Обычно интеллектуалы критикуют государство от лица автономного индивида, и оценка определяется индивидуалистическим пониманием человека. Образ идеального государства с человеческим лицом по-прежнему не дает покоя философам, мечтающим об управлении и воспитании людей в духе служения и ответственности. Социологи рассматривают государство с точки зрения коллективного субъекта, сторонники теории систем, синергетики и трансгуманизма смотрят на государство каким-то нечеловеческим взглядом.

В условиях одновременно инфляции и дефляции понятий «государство» и «человек» следует попытаться понять то, как задолго до теоретических изысканий и философских дискуссий культивировалась любовь к социуму. Теоретизация превратила образ государства и человека в нечто далекое и абстрактное. Превращенные в теоретических монстров, они уже не согревают души людей. Человек и государство, понимаемые как идеалы или абстракции, выбрасываются в потусторонний мир идей, они превращаются в самые холодные чудовища, когда-либо существовавшие на Земле.

В традиционных обществах никакого государственного народа в нашем его понимании еще не было. Соответственно, не было и понятия отечества, а вождь или князь не воспринимался как «отец народа» или «царь-батюшка». Старые мифы и сказания не конституировали отечества, а воспевали предков. Память о порядке рождения сохраняется в материнском языке, как символ Родины-матери, как символ братства и сестринства. Несмотря на обмен женщинами и историю завоеваний, несмотря на различие диалектов и языков, этимология слов неизбежно приводит к структурам родства. Точно также история героев, устанавливающих закон братства на завоеванной территории, делает символ «отечества» архетипическим. Фантазм общего происхождения от героических предков заставляет называть материнский язык завоеванным народам. Собственно, «патриотизм» и состоит в принятии этого языка в качестве господствующего на данной территории над другими диалектами и языками с тем, чтобы легитимировать государственное «равенство и братство». Для фундаменталистов знания языка и факта рождения на данной территории недостаточно, необходимо установление родства. Неудивительно, что в некоторых постсоветских республиках бывшего СССР фантазм братства переходит в национализм и даже расизм.

Натуралистический, онтологический, метафизический дискурс исходит из того, что государство представляет собой некую органическую целостность. У Аристотеля оно возникает

по природе, как продолжение, эволюция коллективного образа жизни стадных животных. Люди добавляют к коллективу еще и моральные качества, поэтому цивилизованный человек существует только в рамках государства. Платон, пожалуй, был первым, кто мечтал об идеальном государстве. Сначала он полагал его продуктом философии, которая раскрывает порядок космоса и на этой основе может служить основой управления собой, домом и государством. Однако в период написания «Политика» и «Государства», он сделал ставку не на философский диалог, в ходе которого проясняется идея государства, а на телесные и духовные практики воспитания и улучшения породы политических животных.

Западная церковь втягивается в длительную борьбу с королевской властью и папа Григорий VII объявляет государство творением дьявола. И, тем не менее, феодальное государство, несмотря на ужасные распри, просуществовало довольно долго. Секрет его прочности раскрыл Токвиль, согласно которому люди в государстве были связаны друг с другом, как звенья единой цепи. Это единство хорошо иллюстрирует средневековая картинка «Политическое тело короля», где разные сословия представляются как органы единого политического тела.

Тайну жизнеспособности государства раскрывает и образ Левиафана — библейского чудовища, выбранного Т. Гоббсом в качестве базовой политической метафоры Нового времени. Это не просто анахронизм. Национальные государства, возникшие в Европе после распада старого порядка, вовсе не похожи на гражданское общество. В одном из самых популярных политических трактатов Н. Макиавелли «Государь» государство представлено как сложный механизм, требующий заботы специалистов. Правитель должен быть «аппаратчиком», ограждающим государство от амбициозных личностей, мечтающих о личной власти.

Советами Макиавелли политики пользовались в кризисные моменты. Начиная с Нового времени, за основу берется модель правового государства. Главной становится теория общественного договора. Это радикальный разрыв как с аристотелевской — натуралистической, так и с платоновской — эссенциалистской моделями государства. После буржуазных революций оно мыслится не как нечто природное или абсолютное в метафизическом смысле, а как продукт договора, а позже вообще как конструкт. С этого момента начинается инфляция классического понятия государства. С одной стороны, философы, революционеры, анархисты, либералы и диссиденты начинают борьбу с тоталитарным государством. С другой стороны, как политический институт оно тоже претерпевает серьезные изменения. Возникают парламенты, принимающие решения в интересах различных групп населения.

Не почва и кровь, а публичное применение разума в науке, праве, религии — вот что главное в обществе. По Канту, каждый человек может пользоваться равными свободами, открыто провозглашенными принудительными законами. Однако это формальное условие не определяет, кто с кем объединится на этой основе. Как можно быть уверенным в том, что другой будет поступать так, как и ты, всякого ли другого признают равным себе? Но даже в рамках своего мира народ определялся по отношению к чужому. Прежде чем говорить о формальном праве на участие в демократическом процессе, следует решить бо-

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

лее важный вопрос о том, как совокупность людей превращается в «народ». В ходе французской и американской революций граждане боролись за свои республиканские свободы либо с собственным правительством, либо с колониальным режимом, что и задавало границу своего и чужого.

Наиболее естественным ответом на поставленный вопрос является ссылка на существование национального государства, в контексте которого собственно и может быть осуществлен демократический процесс. Та или иная народность применяет право на национальное самоопределение. Однако такой путь опасен для мультинациональных государств, которые будут вынуждены устраивать этнические чистки. Но и национально-гомогенное государство формировалось не в пустоте, а в борьбе с соседями, охватывало и ассимилировало другие этносы. Репрессии приводили в протесту, но добившиеся самостоятельности нации сами начинали преследовать чужих, прибегали к насилию вплоть до физического уничтожения. Отсюда возникает вопрос о границах права наций на самоопределение. Пока граждане пользуются равными правами, и никто не подвергается дискриминации, не существует нормативных оснований для отчуждения. Однако на практике обнаруживается, что нередко именно демократический процесс, осуществляемый большой нацией по отношению к малой, разрушает ее культурную идентичность.

Гегель определял нравственное целое как осуществление свободы. Собственно, и человек существует благодаря государству. Гегель считал, что оно образует единую субстанцию, единый дух с его религией, искусством, философией, культурой, климатом, соседями. «Государство есть духовная идея, проявляющаяся в форме человеческой воли и ее свободы»⁷. Но речь идет не о субъективной, а об общей воле. Представительная демократия основана на ложной идее, что народ есть нечто готовое. На самом деле нацию создает государство. Оно является синтезом субъективной и общей свободы. Этот синтез происходит первоначально в религии, затем в искусстве и философии. Государство есть сосредоточие этих форм синтеза. Религия готовит к признанию высшего, к жертвенности. Государство происходит из религии. Вместе с тем религии, основанные на страхе божием, приводят к фанатизму. Но чисто светское государство тоже неполноценно, ибо отрывает конституцию и законы от принципа совести. По Гегелю, история начинается с того времени, когда в мире начинает осуществляться разумность. Человек, не знающий различия добра и зла, народы, существующие без государства, не являются предметом истории. В истории действует не разум, а страсти. Но за их слепыми порывами Гегель пытался усмотреть скрытое от самих деятелей стремление к свободе. Собственно, критерием исторической значимости того или иного великого человека и является вклад в прогресс свободы.

Возможно ли, так сказать, экзистенциальное государство, которое существует для человека, в котором нет отчуждения? Ницше выдвинул проект государства как произведения искусства. Идеологи консервативной революции мечтали вернуться от меркантильно-бюрократического государства к подлинно аристократическому государству, где правят лучшие. Как со-

вместить индивидуальное существование и судьбу народа, свободу выбора и культ вождя? К. Шмитт продолжил органическую модель государства, согласно которой решающее значение имеет воля народа, понимаемого как этнос. Пример Веймарской республики, скорее, обнаружил ту цену, которую приходится платить за реанимацию народного единства, понимаемого как органическая целостность. К народу обычно взывают в чрезвычайной ситуации, например, во время войны или революции. В мирной жизни люди живут как автономные индивиды, объединяющиеся по половым, возрастным, профессиональным, групповым, классовым и иным признакам.

Сегодня стали говорить о «цивилизованном обществе». Разработка этого проекта, нацеленного на «длинную историю», предполагает исследования ментальности и телесности в технологиях феноменологии, герменевтики, структурализма, аналитической философии и других продвинутых философских направлений. Необходимо исследование влияния образов, музыки, дизайна — той среды, в которой мы живем, методами визуальной антропологии. Изменение форм труда, рост сферы развлечений, осознание значимости заботы о подрастающих поколениях, инвестиции в детство, — все это также требует нового философского осмысления. На управление обществом сегодня претендуют политики, экономисты, юристы, историки, ученые, духовные пастыри, рекламщики, пиарщики, звезды шоу-бизнеса и спорта и другие социальные дизайнеры.

Антропотехнологии современности

Одиночество

Теоретики западного марксизма занимались тотальной критикой истории как нарастающего отчуждения. Прошлое ужасно, бесчеловечно. Основное обвинение, выдвигаемое сегодня интеллектуалами буржуазному обществу, исходит из теории отчуждения. Это, во-первых, превращение вещи, изделия в товар, а человека — в рабочую силу. Во-вторых, это форма сознания, когда я есть такой, каким меня представляют другие. Капиталист не просто нанимает человека как рабочую силу, но и навязывает ему свое представление о нем как о рабочем. В-третьих, отчуждение становится формой жизни. Человек работает, платит налоги, ходит за покупками, заводит и воспитывает детей и тем самым поддерживает существующий порядок.

Индивидуалистические ценности не характерны для русской ментальности. М. Вебер полагал, что коллизии русской истории начала XX века ведут Россию не к возрастанию демократических идей независимости и автономности личности, а в противоположном направлении. Действительно, после революции велась особенно активная борьба со всем буржуазным, со всем частным, индивидуальным. Писатели и художники, пытаясь изжить одиночество в сознании людей, рисовали картины коллективизации индивидуального быта. На фотографиях 1930–1940-х годов М. Рыклин видит лица не живых людей, а картонных героев плакатов по гражданской обороне⁸. Те же самые лица окружали героя Венедикта Ерофеева: «Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие

⁷ Гегель Г. Ф. В. Философия истории. — М., 1957. — С. 45

⁸ Рыклин М. Террорологики. — Тарту–Москва, 1992. — С. 18.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

пустые и выпуклые. <...> Они постоянно навывают, но — никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла — но зато какая мощь!»⁹

Коллективность и одиночество это также продукты особым образом организованных социальных пространств, и одним из них является дом. Убогость и однообразность деприватизированного быта и преобладание публичного, социального пространства в жизни советского человека отмечают иностранные путешественники-мыслители, посетившие СССР. «В каждом доме та же грубая мебель, тот же портрет Сталина — и больше ничего. Ни одного предмета, ни одной вещи, которая указывала бы на личность хозяина. В этих помещениях, выглядящих, словно лазарет после недавней инспекции, люди могут вынести жизнь, потому что помещения отчуждены от них образом жизни. Они проводят время на работе, в клубе, на улице»¹⁰, — отмечал Вальтер Беньямин.

Идеологизация единства оказалась достаточно непрочной иммунной системой. Она подверглась внутренней эрозии, ибо ее разрушала критически настроенная интеллигенция. Преодоление отчуждения — длительный процесс, он предполагает кропотливую работу, в том числе и с языком, на основе которого мы описываем действительность и понимаем самих себя. Нельзя судить историю с позиций коммунистического или буржуазно-индивидуалистического идеала. Это политическая теология. Человек двойственное существо, переживающее борьбу добра и зла. Человек рассматривался то как тайный агент Бога, то как животное. Сегодня он проявляет себя как нечто монструозное, чудовищное. Так мы снова возвращаемся к открытию греков: самое ужасное на свете — это человек. Но греки же и нашли ответ на эту загадку. Человек становится страшным, если он лишен дома, родины и общины с подобными себе.

Задача состоит в том, чтобы в современном обществе восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Не добавив ребенку любви и тепла в семье и дома, нельзя наверстать упущенное путем образования. Как бы потом не приучали ребенка на уроках этики к толерантности, отсутствие сострадания и сопереживания приводит к эксцессам, которые имеют место как в школе, так и в казарме. Существует набор антропологических констант и практик их формирования, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации. Иначе за комфорт мы заплатим душевной пустотой, а за благоденствие — падением рождаемости, т. е. детско-материнской нищетой.

Целью современного общества, скорее всего, не является «всестороннее развитие человека». Однако человек не хочет быть одиноким экзистенциалистом, а ищет связей с другими. Он встраивает «человеческое» в остывающие социальные пространства, например, устанавливает дружеские отношения на работе. Осознав, что общество не предназначено для дружбы, человек может создавать коммунальные пространства вне официальных мест труда. У него сегодня много свободного времени и есть средства, позволяющие искать такие сообщества в сфере развлечений. Сегодня реализуется модель «се-

тевого единства», которое достигается уже не партиями или международными организациями, а индивидами, стихийно стремящимися к объединениям на основе частных интересов. Люди меньше работают и больше потребляют. Кажется, что в супермаркетах происходит встреча товара и желания. Речь идет не просто о потребности. Торговля работает сегодня с желаниями, более того посредством рекламы она их производит. Но если посмотреть на супермаркеты, можно ли сказать, что там имеет место общество? Скорее всего, нет, так как каждый занят самим собой. Вместе с тем, рынок не только разъединяет, но и соединяет людей. Сегодня он движет не только товары, но и идеи. Знания, произведения искусства и другие продукты культурного производства становятся товарами, и это стимулирует развитие общества. Осмысление и концептуализация коммерциализации символического производства приводит к мысли о радикальной трансформации капитализма. Образ ультракапитализма уже не похож на картины, которые виделись Марксу. Предсказать характер трансформации индивидуалистического общества — будет это революция блогеров, или что-то иное — вот задача современной философии.

Общество развлечений

В повседневной жизни феномен скуки проявляется в каждую эпоху по своему и, соответственно, осмысливается по-разному, на основе различных систем ценностей и концептуальных предпосылок. Скука переживается как часть повседневного порядка, когда человек утрачивает чувство вовлеченности в происходящее, осознает бессмысленность своей деятельности и собственного бытия. Человеку кажется, что на самом деле с ним ничего не происходит, а повторяется изо дня в день лишь одно и то же. Повседневность выступает как форма привычного порядка, «наиближайшего», в рамках которого человек только и может чувствовать себя как дома. Этот заведенный порядок жизни и привычный ход вещей прерываются не только неожиданным «вдруг», нарушающим порядок, но и самим человеком, желающим чудесного и необычного. Можно предположить, что именно повседневность с ее скукой, утратой новизны и является глубинным мотивом для изобретения чудесного и священного — сидя дома, человек фантазировал о богах и ждал их посланий.

Не только религии и величественные праздники предстают как порождение скуки. Сами правила радушного гостеприимства, принятые нашими предками, которых мы наделяем ксенофобией, страхом чужого являются не формой притворства, а вполне искренним ожиданием встречи с чем-то необычным. Даже сегодня, когда уровень гостеприимства опасно снизился, люди, сидя дома, ожидают хотя бы телефонных звонков, оживляющих монотонный ход времени.

Человек как скучающее животное по-разному переживает и пытается бороться со скукой. Развитие культуры развлечений историки изображают в юмористической тональности и ограничиваются перечислением курьезов. Отправной точкой служат описания разного рода излишеств, которым предавались в древнем Риме или, скажем, в Париже в XVIII веке. Более того, изощренность форм наслаждения доказывает, что капризы тоже предполагают тренинг. Когда они превращают-

⁹ Ерофеев В. Москва-Петушки. — М., Прометей, 1989. — С. 26–27.

¹⁰ Беньямин В. Московский дневник. — М., 1997. — С. 39.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

ся в упражнение, в работу повторения, то приобретают статус привычки.

Пессимизм роскоши, свойственный в прошлом только аристократам, постепенно овладевает миром. Несмотря на бурно развивающуюся индустрию развлечений, современный человек испытывает не просто скуку, а глубочайшую меланхолию. Депрессия выходит на первое место как фактор, вызывающий рост сердечно-сосудистых и иных заболеваний. Величайшее достижение современной культуры — рост свободного времени — приводит наряду с изнуренностью молодежи к росту скуки у старших. Свободное время тратится массами преимущественно на развлечения, внутренняя динамика которых в условиях рыночной экономики препятствует ясному видению антропологических последствий.

Едва ли аргументом в пользу освобождения человека может служить использование им свободного времени на соревнования по части разного рода забав и развлечений. Не всякий способен на подлинное чудачество и потому развлекается по установленному образцу, довольствуясь тем, что предоставляет в его распоряжение индустрия наслаждений. С цивилизационной точки зрения именно это и важно, безумие и хаос преодолеваются заведенным порядком, а те, кто из него выпадают, вынуждены проходить курсы тренировки или психотерапии.

Несмотря на бурно развивающуюся индустрию развлечений, современный человек испытывает не просто скуку, а глубочайшую меланхолию. Поскольку формы бегства от нее приобретают подчас весьма опасный характер, это заставляет философов обратить самое пристальное внимание на экзистенциальный феномен скуки и формы ее преодоления. В старой литературе хорошо описаны состояния острой скуки умных людей. Это как бы плата за мудрость, за зрелость и старость. Хочется вспомнить, как наказан дьявол в аду: он пребывает в абсолютном одиночестве и размышляет о собственной сущности. Современный человек ещё более одинок. Запертый в своем жилище, где нет места Другому, он уже не ищет друзей в кофейнях или рюмочных. Но индивидуальный апартамент, построенный по принципу студии, не дает скучать. Прекрасно оборудованная кухня предоставляет возможность удовлетворения самых изысканных вкусов. Ванная-сауна, спортивная студия, начиненная гимнастическими снарядами, стимулируют заботу о теле, которая реализуется в форме фитнеса. Спальня с удобной кроватью, берушами и снотворным оберегает ночной покой. Гостиная с домашним кинотеатром, телефон, выход в Интернет обеспечивают коммуникацию с внешним миром. Важными формами реализации свободного времени становятся мода, шопинг, фитнес, развлечения, чудачества, туризм, спорт, хобби. Члены разного рода обществ и клубов, фанаты, болельщики, собиратели, покупатели, просто фланеры, — вот галерея современных человеческих типов. Соответственно, и город становится не только местом работы, но и центром развлечения, местом реализации свободного времени. Посещать не только тусовки, корпоративы, презентации, но и модные места отдыха — значит утверждать себя в социальной иерархии. Сегодня пользователи в своих блогах вывешивают фото или видео не трудовых будней, а развлекательных мероприятий. Дело опять же не в хвастовстве, а в обозначении присутствия в престижных местах.

Можно указать несколько направлений развития современного рынка удовольствий.

Секс

Психоистория индустриального и постиндустриального общества развивается от пуританского отношения к труду до либеральной свободы ориентирования в форме кредита, шопинга, спорта, свободного предпринимательства. Субъект эпохи постмодерна отрекается от общепринятых форм жизни, он меньше озабочен платежеспособностью или родственными связями, а больше своей индивидуальной биографией, он осциллирует не между добром и злом, а между шуткой и розыгрышем. Люди озабочены едой и любовью не как способами удовлетворения природных потребностей, а как формами собственной самореализации. Открылся рынок эротической жизни, названный В. Райхом «сексуальной революцией». Именно сексология бросает свет на особенности современного общества. Сексуальная потенция становится символом подлинного богатства. Выясняется, что люди неправильно распоряжаются сексуальностью, либо по причине зажатости, уходящей своими корнями в историю семьи, либо из-за элементарного незнания опций. Западным обществом были оправданы — если они не имеют криминального характера — гомосексуализм, однополые браки и другие формы сексуального поведения, считавшиеся ранее девиантными. Американское слово «секс» стало синонимом разгруженного отношения к сексуальным отношениям. Сексуальное поведение кодируется не в терминах драмы, наслаждения, а как психологический опыт подлинности, непосредственности личностной коммуникации. Но даже сексуальность в условиях информационного общества неизбежно медиатизируется со всеми вытекающими последствиями.

Шопинг

По Беньямину, в Пассажах достигается единство публично-го мира товаров и интимного мира желаний. Сегодня Пассажи уступили место супермаркетам на окраине городов. Превращение в торговые центры вокзалов и иных общественных мест — тоже явление капитализма эпохи ультрамодерна. Сегодня на поверхности жизнь кипит, люди едут в транспорте тесно прижатые друг к другу. Не только супермаркеты, но и музеи, выставочные залы, увеселительные заведения полны людей. Однако это не та публика, что была раньше. Перед нами толпа, где каждый, подобно фланеру, одиноко бродит с собственной целью, не обращая внимания на других. По правде сказать, сегодня мы существуем как зрители какого-то сегмента телевидения. Домашним алтарем становится компьютер, через который можно уже делать покупки и заказывать еду.

Человек покупающий представляет значительный интерес не только для торговли. Поскольку в обществе потребления покупки уже не связаны напрямую с естественными потребностями, постольку торговля во все более широком масштабе прибегает к тому, что Ж. Делёз и Ж. Бодрийар называют соблазном. Это только кажется, что покупают вещи или услуги, на самом деле происходит производство и продажа желаний.

Путешествия и туризм

Сегодня львиную долю свободного времени съедает путешествие, передвижение в поисках удовольствий. Современные

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

тела — это тела водителей или пассажиров автомобилей. Два из трех моторизованных передвижений тратятся на неэкономическую и не профессиональную деятельность. Количество путешествующих людей и потраченного на туризм времени во много раз превосходит то, что могли себе позволить люди раньше, даже если учитывать кругосветные путешествия. В целом, принимая во внимание все виды спортивной деятельности, фитнеса, танцев, гимнастики, можно говорить о появлении у чистого зрелища серьезного конкурента, связанного с приоритетом кинестетических удовольствий.

Туризм есть машина по превращению временного, подготавливаемого в монументальное. Его предтечей было паломничество к святым местам. Оно запланировано заранее и относительно организовано. Главное отличие паломника от путешественника состоит в том, что верующий едет в священный город как архитектурный знак того, что было началом всех времен. В иконописи средневековья святые изображались на фоне небесного Божьего града. Сегодня к вечному приобщают руины прошлого. Как идея туризма ориентирован на вечное, а как практика развивает обыденное. Туристические центры имеют отели, бары, дискотеки, пляжи, бассейны. Египет, Турция, Таиланд, Израиль — все они становятся похожи друг на друга, везде одно и то же. Так туризм уничтожает сам себя. Места, откуда едут туристы, сами притягивают туристов. Люди путешествуют во всех направлениях. Не только жители метрополии музеефицируют провинцию, но и она превращает метрополию в монумент. То же можно сказать и о неевропейцах, которые наводят Европу не только как гастарбайтеры, но и как туристы.

Эта гомогенизация пространства существенно меняет отношение музея и туризма. Не только мы превращаем чужое в монумент, но и чужие тоже музеефицируют нас. Боюсь, что современные посетители музеев и выставочных залов смотрят на картины и экспонаты глазами телезрителя. Они уже не слушают или не воспринимают комментарий экскурсовода. Сегодня люди хотят не познать и учиться, не исследовать и открывать, а развлекаться.

Спорт

Одной из важнейших форм достижения единства становится уже не идеология, а, например, спорт. Марсово поле в Париже, олимпийский стадион в Афинах и их наследники — театр в Байрете, Красная площадь в Москве, спортивный стадион в Берлине, — все это архитектурное выражение сопротивления децентрации. Мощный культурно-политический эффект достигался не рефлексией, а борьбой, агонией. Возрождение олимпийских игр и русскую революцию объединяют поиски гигантского интерьера для мобилизации множественности людей путем инсценировки борьбы и победы. В эпоху модерна искусство социального синтеза достигло наивысшего расцвета. Единодушие и энтузиазм стали продуктом специальной организации. Стадион — прямая противоположность агоре, где консенсус достигается на основе разговоров. Как и финские деятели, современные режиссеры консенсуса опираются на объединяющее и цементирующее воздействие музыки. Не случайно сегодня разного рода шоу тоже происходят на стадионах. Это «фонотопический» синтез достигается в форме общего энтузиазма, возникающего в процессе слияния индиви-

дов в целое. Стадион для присутствующих стал местом убеждения в истине. Он сложился в ходе поисков модели общественного контейнера, прообразом которой было Марсово поле, где с большой помпой протекали разного рода демонстрации. Так вырабатывались ритуалы, на основе которых достигалось не просто единство народа, а автогипноз масс. Здесь происходил синтез организации и психотехники. Во время олимпийских игр эффект возбуждения приобретает планетарный характер.

Мы вступаем в эру развлечений, а между тем, у нас осталось старое мировоззрение эпохи нужды. Мы по-прежнему либо считаем, что нужно работать, а не развлекаться, либо допускаем второе лишь как заслуженную награду за первое. Впрочем, едва ли аргументом в пользу освобождения человека может служить использование им свободного времени на соревнования по части разного рода забав и развлечений. Развлекаться надо уметь. Большинство проводит время у телевизоров, где все больше развлекательных программ. Беспokoит, что они строятся по принципу римской арены. Если чтение книг цивилизует, то жестокие зрелища превращают людей в стадо животных.

Получать наслаждение — это не простая привилегия, даруемая человеку современной культурой, этому нужно учиться. Но любое наслаждение инфицировано изнутри пресыщением, угрозой трансформации в свою противоположность — рутину, скуку и меланхолию. Тогда люди, с одной стороны, представляют себя на сцене жизни и озабочены соблюдением правил светского поведения, а с другой, проживая собственную жизнь, они освобождаются от гнета условностей, обретают понимание собственного призвания и судьбы.

Итак, свободное время тратится массами преимущественно на развлечения, внутренняя динамика которых в условиях рыночной экономики препятствует ясному видению антропологических последствий. Зрелище — фотография, кино, шоу-бизнес, индустрия СМИ радикально меняют экологию восприятия человеком и самого себя, и окружающего мира. Социальное пространство, в котором современный человек предьявляет себя другим, становится локальным. Оно возникает среди любителей определенных форм досуга, приверженцев того или иного хобби. Сегодня странным образом нарастает число разного рода танцевальных клубов, хоровых коллективов, любительских театров и иных подобных объединений. И все они имеют свою публику, которая в свою очередь интенсивно сегментируется. Поэтому насущной проблемой социальных технологий становится поиск единства. Одно из таких направлений популярная культура WEB-2. 0¹¹.

Ее новизна определяется развитием новых цифровых интерактивных медиа, и прежде всего Интернета, технологии которого сделали возможным широкое участие людей в культурном творчестве. Новые культурные практики могут расцениваться как формы воссоздания социальности, о распаде которой уже давно говорят теоретики общества. Популярная Интернет-культура — это важный социальный феномен, требующий концептуального описания и теоретического осмысления ин-

¹¹ См. Соколова Н. Л. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. — 204 с.

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

терактивных практик производства и потребления продуктов популярной культуры.

Потребление в рамках этой культуры выступает формой труда, в частности, такого, который направлен на воспроизводство общества, а развлечение — особым искусством, требующим умения. Если человечество вступает в эру развлечения, то важнейшей задачей социальной философии является не столько критика общества потребления устаревшими масштабами эпохи нужды и бедности, сколько выявление новых возможностей живого участия масс в развитии культуры. Развлекаться и тратить свободное время тоже нужно уметь по-человечески, и именно этому сегодня философия должна научить людей.

Человек в пространствах современного города

Сегодня попытки объединения мультикультурных городских конгломератов в основном строятся на концепции диалога и идей толерантности. На самом деле решение этой проблемы можно понимать и как архитектурную задачу. Город должен формировать не только индивидуальное, но и коллективное тело. Раньше государство не жалело денег на строительство величественных общественных зданий. Сегодня архитекторы проектируют жилые кварталы, дома, квартиры, в которых проживают автономные индивиды. Городские власти инстинктивно стремятся найти какие-то формы сборки коллективного тела города. После революции во Франции и в России использовались массовые митинги и демонстрации, строились новые общественные пространства вроде дворцов культуры и кино-театров. Сегодня там располагаются в лучшем случае центры развлечений. Но сама по себе коммерциализация не в силах возродить общественное пространство и продолжить культурные традиции города. Власти пытаются проводить праздники, фестивали, концерты и прочие шоу. Но как оживить народное участие в формировании и восстановлении городской ткани?

Не отрицая акций возрождения традиционных и новых зрелищ, разного рода фестивалей, а также попыток восстановить почетное гражданство как символ человеческого величия города, следует продумать и новые культурные формы единства людей. Кроме восстановления детских и спортивных площадок, клубов и дискотек, а также мест общения взрослых вроде павильонов для игры в шахматы и прочих неплохо зарекомендовавших себя в прошлом форм коллективности, следует обратить внимание на новые центры отдыха и развлечений. Они строятся на средства небескорыстных спонсоров, которые инвестируют деньги даже в строительство храмов, но с условием передачи им прав на строительство и эксплуатацию, например, подземной парковки или торговых павильонов. За инвестициями в культуру скрывается чисто коммерческий расчет. Отсюда культурные объекты строятся или реставрируются с расчетом на извлечение прибыли, что меняет их суть.

Если принять во внимание новые социальные технологии, то единство сегодня обеспечивает не архитектура, а медиа. Техника не ограничивается удовлетворением потребности человека в создании искусственной среды, которая эволюционировала от пещеры и хижины до дома. Она переформулировала само представление о «месте», в котором прививались солидарность и прочие моральные и социальные добродетели людей. Город

превратился в конгломерат антропогенных контейнеров, на время собирающих атомизированных индивидов, желающих предстать на сцене жизни и развлечься. Поражает спектаклярность, медальность городской культуры. Раньше город был местом, где жили и творили культуру сподвижники духа, вечеринки и шумные богемные попойки не должны вводить в заблуждение. Но прежде творцы употребляли кофе, спиртное и даже наркотики, чтобы работать. Сегодня продуцирование культуры отходит на второй план. Все озабочены маркетингом. Культура свелась к циркуляции банального и к симуляции. Творить уже некогда, да и не нужно, так как нашими «предками-трудягами» все уже сказано и написано. Сегодня ни одна «презентация» или «перформанс» не обходится без шоу. Телевидение, реклама, нарядная публика, знаменитости, скандалы и, конечно, фуршеты — вот что главное в разного «тусовках». И, тем не менее, искусство и философия должны как-то во всем этом сохраниться.

Телефон и интернет сделали коммуникацию с дальними удобнее, чем с ближними. Живое общение лицом к лицу явно деградирует. Вместо того чтобы увидеться, люди обмениваются «эсэмсками». Жить в центре тоже становится небезопасно, хотя число видеокамер там сильно увеличилось. Видеонаблюдение ведет не только полиция. Все больше людей вооружаются фотоаппаратами и видеорегистраторами. Это превращает их из активных участников городской жизни в пассивных зрителей. Бытие под взглядом и опыт признания обретают сегодня совершенно иной смысл, нежели тот, что описывался в экзистенциальной философии.

Что такое городская культура и что с ней происходит, как она трансформировалась, видно на примере Петербурга. Его стали называть культурной столицей именно тогда, когда феномен городской культуры стал анахронизмом. Во-первых, в городе появилось множество зон со своими субкультурами; во-вторых, увеличилось потоки мигрантов, которых город уже не «переваривает»; в-третьих, процесс модернизации не использует, а разрушает, как показывает судьба «Сайгона», потенциал сложившейся городской культуры.

Изначально мегаполисы были «плавильными тиглями», в которых сгорали местные культуры приезжих, и, по крайней мере, их дети становились носителями универсальной городской культуры. Все это стало поводом для возникновения постмодернистских утопий мультикультурализма и плюрализма. К сожалению, сегодня мегаполисы трансформировались в своеобразные «лагеря беженцев», жители которых поселяются в изолированных пространствах, где правила поведения определяются кодами местной культуры. При этом отсутствуют каналы культурной коммуникации между сообществами. Образуются микрораселения, своеобразные гетто, где правит своя культура, и где нет надобности в чужой. Все это дает повод говорить о том, что «город мертв» и его ждет судьба, предсказываемая американским кино.

Между тем, количество культурных пространств постоянно увеличивается. Например, бывшие фабрики становятся центрами развлечений. В подвалах располагаются экспериментальные театры и арт-галереи. Но что это за культура? Чтобы рассуждать о культуре современных мегаполисов следует принять во внимание радикальные изменения в экономике. Она

МАРКОВ Борис Васильевич / Boris MARKOV

| Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) |

опирается не на производство, а на симуляцию. «Эффективные менеджеры» внедряют коммерческие критерии в сфере культуры и образования. Когда говорят об инвестициях в человека, то учитываются не знания, культура и добродетели, а диплом и прочие бумажки. Точно, в цифрах, рассчитать «стоимость» человека невозможно, но это не значит, что он не имеет цены. Сегодня взамен прежней оценки его как рабочей силы в теории человеческого капитала учитываются здоровье и даже генетическое наследство. На сопротивление биологической природы человека (болезни, деградация) современная медицина отвечает «выключением» тела (медикаменты, протезы, клонирование). Технологии образования и воспитания тоже трансформируются вплоть до идеи создания искусственного интеллекта.

Хайдеггер мечтал о доме, как месте, где встречаются с бытием. Г. Башляр продолжил эту «топофилию». Но реально жилище сегодня — это уже не замок приватности. Внедрение медиа уничтожило различие частного и общественного пространства. Географическая изоляция, стены классического города способствовали сохранению как генетического, так и культурного разнообразия. Наоборот, современный технополис втягивает всех без разбора в свои сети и тем самым ведет к унификации людей и культур. Все говорят о Global city, но это не Рим, Нью-Йорк, Лондон, Париж или Москва. Скорее всего — это сеть, глобальный рынок. Архитектор Г. Фулер пророчил свертывание жилья до размеров трейлера и говорил, что нужно жить не в полях и не в лесу, как романтик Торо, а в сети, т. е. в киберпространстве. Хай-тек город современных утопистов — это уже продукт не архитектуры, а медиа. М. Маклюэн пророчил глобальную деревню и смерть города: через 10 лет население Нью-Йорка сбегит в деревню, в городе останутся одни машины. В. Флюссер видел в городах будущего скопище безродных и бездомных мигрантов и беженцев, гастарбайтеров и туристов. Города становятся аттрактивными не только для людей, но и для животных и растений. Традиционный человек, кажется, уже не нужен современному обществу.

Заключение

Обобщая предложенные наброски некоторых антропотехник, посредством которых в истории осуществлялось производство человеческого, можно сделать следующие выводы:

1. Уже в самых начальных периодах антропогенеза незавершенного от природы существа культурные практики играли решающую роль. Использование первых орудий труда, охоты и войны, строительство жилищ, укрепленных поселений, освоение территорий и образование государств — все это имело важнейшие антропогенные последствия. Люди являются творцами и одновременно продуктами искусственной окружающей среды, которая называется культурой.
2. Такие символические институты как язык, брак, системы родства, табу и обычаи, а также различные ритуалы образуют богатейший арсенал телесных и духовных практик, кото-

рые формируют необходимые для социума качества людей. Традиционные общества обычно упрекают в ксенофобии, забывая при этом о культуре гостеприимства. Человеческое взаимодействие, основанное на обмене пищей и теплом, сопровождающееся душевной близостью, доверием, состраданием, является основополагающим опытом бытия в мире. Результаты исследования этих культурных практик полезны политикам, экономистам, а также тем, кто отвечает за конструирование искусственной окружающей среды, в которой живет современный человек.

3. Становление человека не сводится к самопознанию и иным формам рефлексии, а осуществляется на основе дисциплинарных и воспитательных практик. Античное искусство заботы о себе включало техники управления собой, своими желаниями, своим телом. Причем не только разум и познание способствовали хорошей и здоровой жизни, но также гимнастика, диета, спортивные и иные состязания.
4. В эпоху Просвещения главным медиумом единства становятся истина и мораль. Публичное применение разума в науке, искусстве, праве, религии — вот что главное в обществе. В результате развития государства народное право, которое включало права гостя, раскололось на частное и общественное право. Вместе с тем, признание другого осуществляется не только в плоскости рациональных переговоров и политических договоров, но и на уровне повседневной коммуникации. Ответ на вопрос, что такое государство, философская антропология дает не ссылками на его «природу» или «сущность», а рефлексией относительно условий, определяющих в то или иное время трансформацию общества.
5. Сегодня стали говорить о «цивилизованном обществе». Разработка этого проекта, нацеленного на «длинную историю», предполагает исследование влияния образов, музыки, дизайна — той среды, в которой мы живем, методами визуальной антропологии. Изменение форм труда, рост сферы развлечений, осознание значимости заботы о подрастающих поколениях, инвестиции в детство — все это также требует нового философского осмысления.
6. Психистория индустриального и постиндустриального общества развивается: от пуританского отношения к труду до либеральной свободы ориентирования в форме кредита, шопинга, спорта, свободного предпринимательства. Однако именно в условиях «общества благоденствия» обостряется проблема одиночества, наблюдается распад семьи и, как следствие, снижение рождаемости. Поэтому задача философской антропологии состоит в том, чтобы в современном обществе восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Существует набор антропологических констант и практик их формирования, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации.

